

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ВОКРУГ КАТАРА В 2017 Г.

Мазин Саид Аль-Макбали

Российский университет дружбы народов

Аннотация

Статья посвящена фактору религиозных разногласий между государствами–членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССА-ГПЗ) в контексте различных внешнеполитических программ и устремлений Саудовской Аравии, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов.

В работе нашли применение как общенаучные, так и политологические и специально-исторические методы. Цивилизационный подход позволил объяснить роль ислама в политическом процессе стран региона. Элитистский подход позволил рассматривать политические элиты государств Персидского залива как самостоятельные социальные группы, обладающие влиятельностью и авторитетностью в принятии ключевых политических решений и реализующие собственный корпоративный интерес и корпоративное мышление.

Выделяется религиозный фактор катарско-саудовских противоречий, в том числе споры за идейное и религиозное наследие Мухаммеда Абдель Ваххаба. Основной причиной политического противостояния в Персидском заливе автор считает не только поддержку катарским руководством движения «Братья-мусульмане», но различные тенденции в политическом исламе, обусловившие идеологические конфликты внутри суннитского мира.

В статье автор анализирует факты сотрудничества стран Персидского залива, рассматривает эволюцию отношений стран Персидского залива в едином комплексе культурно-исторических, политических и религиозных условий, в контексте общих изменений международной обстановки на современном этапе. В заключение делается вывод о роли религиозного фактора в развитии политического кризиса в Персидском заливе. Катар и Турция сделали ставку на популистский, «восходящий» суннитский ислам «Братьев-мусульман», стремящихся легитимировать свою власть с помощью демократических выборов. Саудовская Аравия представляет собой антитезу правлению «Братьев-мусульман», сделав ваххабизм партнером в поддержке своего правления и стремящихся распространить это толкование по всему мусульманскому миру. Объединенные Арабские Эмираты, будучи союзниками Саудовской Аравии, представляют собой третью тенденцию в политическом исламе, поскольку не имеют амбиций распространять ислам за пределами своих границ.

Ключевые слова: Катар; Саудовская Аравия; Объединенные Арабские Эмираты; «Братья-мусульмане»; шииты; сунниты; ваххабиты.

Введение

Государства Персидского залива всегда играли особую роль в арабском мире. Это регион, в котором зародился ислам – религия, имеющая важнейшее значение в жизни каждого араба. Являясь колыбелью ислама, страны Персидского залива издавна рассматривались как хранители арабо-мусульманской культуры, ее ценностей и традиций. По мнению известного арабиста В.Э. Шагалья, «ислам здесь сыграл и играет роль не только религии, философии, регулятора социальных отношений и быта, но и культуроформирующего фактора... Здесь явно ощущается господство прошлого над будущим» (Шагаль, 1998: 22). Регион Персидского залива традиционно составляют шесть аравийских монархий: Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн, Кувейт, Оман и Саудовская Аравия. Одну из ведущих позиций среди них имеет, очевидно, Саудовская Аравия, претендующая на роль своего рода духовного наставника не только для соседних стран по региону, но и для других арабских государств. Ислам является мировоззренческой основой культуры Саудовской Аравии, тем более, что здесь находятся важнейшие мусульманские святыни – Мекка и Медина. Таким образом, государства Персидского залива образуют особый регион, в котором ислам всегда играл и продолжает играть доминирующую роль (Почта и др., 2014). Многие противоречия, приведшие к кровавому хаосу в регионе, связаны с особенностями ислама и историей мусульманского мира, который сегодня переживает настоящий пассионарный взрыв. В этой связи представляется актуальным проанализировать роль религиозного фактора в развитии политического кризиса в Персидском заливе.

Цель данной статьи – проанализировать роль религиозного фактора в развитии политического кризиса в Персидском заливе, связанного с разрывом рядом арабских стран дипломатических отношений с Катаром в июне 2017 г.

Методология

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы ведущих арабистов, исламоведов, востоковедов, историков – В.Э. Шагалья, Ю.М. Почты, А.М. Васильева, Т.В. Оберемко, В.В. Попова, В.А. Исаева, Ш.Р. Кашафа, А.В. Смирнова и др.

В работе нашли применение как общенаучные, так и политологические и специально-исторические методы, а также метод выборки, обработки и анализа фактов сотрудничества стран Персидского залива, объективно-исторический анализ и обобщение опубликованных источников.

Цивилизационный подход позволил объяснить роль ислама в политическом процессе стран региона. В работе были использованы частно-научные методы политологического и исторического знания, в комплексе позволившие прояснить локальные и региональные особенности проявлений противоречий в отношениях между странами региона. При выявлении общих для региона тенденций развития и специфических для каждого конкретного государства особенностей, об-

условливающих проявления террористической активности и сопровождающих их, был использован метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Элитистский подход (Ч. Р. Миллз, Р. Даль, В. Парето и др.) позволил рассматривать политические элиты государств Персидского залива как самостоятельные социальные группы, обладающие влиятельностью и авторитетностью в принятии ключевых политических решений и реализующие собственный корпоративный интерес и корпоративное мышление.

При написании работы автор использовал также системно-исторический метод исследования, рассматривая эволюцию отношений стран Персидского залива в едином комплексе культурно-исторических, политических и религиозных условий, в контексте общих изменений международной обстановки на современном этапе.

Катарский кризис в контексте религиозных разногласий

Кризис отношений между монархиями Персидского залива – противостояние Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов и Катара – может быть разрешен в краткосрочной перспективе, но вряд ли будет решен в долгосрочной перспективе. Кувейтское посредничество и американское влияние могут привести обе стороны к некоторому компромиссу, если Катар примет некоторые из требований, предъявленных к нему саудитами ОАЭ, но фундаментальные различия между двумя сторонами будет преодолеть нелегко.

Для тех, кто видит нынешний региональный кризис на Ближнем Востоке через исключительно религиозную призму (Gause, 2017), тот факт, что Иран быстро перешел на защиту Катара, является еще одним примером более крупного суннитско-шиитского конфликта.

В состав ислама входит большое количество различных течений. Крупнейшими направлениями ислама являются суннизм и шиизм. Существуют и другие, менее многочисленные течения этой религии: суфизм, салафизм, исмаилизм, Джамаат таблиг и другие. Ныне шииты составляют большинство в Иране, Ираке и Бахрейне. Есть шииты и в Йемене, где суннитские власти называют их «мятежниками-сепаратистами». Наконец, существенные шиитские меньшинства встречаются на всей территории Аравийского полуострова: Катар, Эль-Хаса в Саудовской Аравии, Кувейт. Несмотря на то, что шииты составляют только около 10% общего числа мусульман, они представляют серьезную политическую силу, особенно на Ближнем Востоке.

Несмотря на то, что алавизм возник на основе шиизма, он весьма сильно отличается от него. Сегодня им принадлежит власть в Сирии в лице семьи Асадов, которую поддерживают алавиты и шииты и с которой воюет местное суннитское большинство.

Из суннитов, причем самого радикального толка, состоят и отряды Исламского государства (ИГИЛ). На сегодняшний день приверженцы двух основных течений ислама находятся в состоянии непрекращающейся вражды друг с другом

(Menaldo, 2012). Действительно, острые проблемы современности в Персидском заливе – борьбу с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, а также йеменский конфликт – можно рассматривать не только как этническое, экономическое, политическое столкновение, но также под углом зрения традиционного суннитско-шиитского соперничества.

Реально в основе конфликта вокруг Катара лежат не только противоречия по поводу Ирана, а совершенно разное понимание того, как политический ислам должен относиться к государству среди суннитских держав Ближнего Востока. Следует помнить, что на сегодняшний день в мусульманском мире мы можем выделить пять наиболее крупных и влиятельных мазхабов – богословско-правовых школ в исламе, четыре из которых относятся к исламу суннитского толка, а один – к шиитскому исламу.

Катар, ОАЭ и Саудовская Аравия являются государствами с суннитским большинством населения и управляются суннитскими монархами, но имеют очень разные позиции по этому вопросу, что мы покажем далее. Турция и Египет, две крупнейшие суннитские республики, также находятся по разные стороны конфликта (Sean Yom et al., 2012).

Неспособность суннитских ближневосточных государств сформировать эффективный союз против Ирана обусловлена глубокими различиями между ними в отношении характера угроз, с которыми они сталкиваются.

Катар и Турция, ОАЭ и Египет, а также Саудовская Аравия представляют три различные позиции по этому сложному вопросу. Катарский кризис – это только самое последнее и самое яркое проявление этого внутрисуннитского конфликта. Рассмотрим религиозную ситуацию в Катаре.

Катар и «Братья-мусульмане»

Катар вплоть до начала XXI в. играл маргинальную роль в мировой и региональной политике. Выдвижение Катара в региональные лидеры началось после верхушечного переворота, осуществленного в 1995 г. эмиром Хамадом бен Халифой против своего отца. Неожиданный взлет Катара объяснялся двумя факторами. Во-первых, резким увеличением экспорта сжиженного природного газа (СПГ), принесшего эмирату крупные дивиденды. Во-вторых, претензиями правящей катарской семьи ат-Тани на право представлять ваххабитское направление ислама. Ваххабитский ислам признан государственной религией этой страны, а катарская элита считает своим долгом пропагандировать и распространять это религиозное учение во всем мире. Катарские шейхи гордятся тем, что эмир Тамим бен Хамад является 18-м правнуком проповедника из Неджда Мухаммеда Абдель Ваххаба (1703–1787) – основателя ваххабизма. По мнению катарских самодержцев, именно кланы ат-Тани и Мидади привнесли на Катарский полуостров истинные идеи ваххабизма, тогда как племя аль-Саудов, проживавших севернее на Аравийском полуострове, исказило ваххабизм, придав ему черты замкнутости и религиозной нетерпимости (Кузнецов, 2017).

Одновременно этот факт является причиной соперничества между двумя странами – членами ССАГПЗ – Катаром и Саудовской Аравией – борьба за роль наследников Мухаммеда Абдель Ваххаба и за руководство салафитским течением в исламе. 28 мая 2017 г. 200 представителей ваххабитского духовенства Саудовской Аравии, включая муфтия Абдель Азиза Аальаш-Шейха, считающегося прямым потомком Мухаммеда Абдель Ваххаба, обратились с открытым письмом, в котором выразили сомнения в происхождении правящей семьи Катара от родоначальника ваххабизма и потребовали убрать его имя с центральной мечети Катара (Кузнецов, 2017).

В-третьих, претензии Катара на лидерство в арабском и исламском мире подкрепляются покровительством, которое Доха оказывает международному движению «Братья-мусульмане» – старейшей организации исламских фундаменталистов. «Братья» должны вести джихад – священную войну – против варварского общества, с целью завоевания власти и превращения его в «истинно исламское».

Катар сделал ставку на рост «Братьев-мусульман» во всем арабском мире задолго до начала арабской весны, оказав поддержку группам «Братства» в регионе; предоставляя убежище для эмигрантов «Братства», таких как египетский проповедник Юсуф Аль-Карадави и лидер ХАМАС Халед Машаль; платформу для популистских и избирательных суннитских исламистских взглядов в региональных спутниковых каналах сети «Аль-Джазира» (Чернова, 2013).

Более того, катарское правительство открыто оказывало поддержку одному из лидеров этого движения, бывшему президенту Египта Мухаммеду Мурси. После смены власти в стране Доха продолжает содействовать этому движению, в то время как действующий египетский президент Абдул-Фаттах Ас-Сиси пользуется поддержкой Саудовской Аравии. В Ливии Доха поддерживает связанные с движением «Братья-мусульмане» различные группировки, в то время как Эр-Рияд делает ставку на «главу правительства национального согласия Ф. Сараджа, а Абу-Даби и Каир – на главнокомандующего вооруженными силами Тобрука, генерала Х. Хафтара. В Восточной Африке и зоне Африканского Рога также идет катаро-эмиратская борьба за сферы влияния. Влиятельный и популярный среди «арабской улицы» катарский канал Al-Jazeera усиливает негативный эффект разногласий по Сирии, Ливии и «Братьям-мусульманам» путем трансляции официальной точки зрения катарского правительства, не всегда солидарной с саудовской и эмиратской позициями.

Эта популистская суннитская исламистская позиция, хотя и не либерально-демократическая, стремится легитимировать свою власть с помощью демократических выборов. Такое видение разделил президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, который увидел в успехах «Братьев-мусульман» после арабской весны возможность создания блока аналогичных режимов, во главе которых стоит Турция (Bank et al., 2015).

Следующим членом этого блока должна была бы стать Сирия после Асада, поэтому Эрдоган был первым региональным лидером, который призвал сирий-

ского президента уйти в отставку (Seale, 1997).

Таким образом, одним из факторов соперничества между Катаром и Саудовской Аравией является идеологическое наследие Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, основателя ваххабитского толка в исламе. Это учение является государственной религией указанных стран, однако в Дохе считают, что именно в их стране оно получило адекватное толкование, а саудиты придали ваххабизму черты религиозной нетерпимости, чем дискредитировали его.

Религиозное правление Саудовской Аравии

Точные сведения о численности шиитов в Саудовской Аравии не публикуются. По оценкам, шиитская община насчитывает от 1 млн до 1,4 млн человек, что составляет 4–5% от всего населения страны. Большинство шиитов проживает в Восточной провинции, где они оставляют примерно 60% местного населения. По другим данным, в КСА проживают примерно 3 млн шиитов (Sivan, 1990).

Саудовская Аравия представляет собой антитезу популистского, «восходящего» суннитского ислама «Братьев-мусульман». Монархия давно сделала свой салафитский религиозный истеблишмент, известный как ваххабизм, партнером в поддержке своего правления (Lacroix, 2011).

Дипломатическими мерами Саудовская Аравия попыталась сломить превосходство сторонников Катара в Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (араб. *قوة ثلثا يوقل ينطول فالتى ال*) – коалиции оппозиционных групп, созданной во время гражданской войны в Сирии в Дохе (Катар) с целью свержения президента страны Башара Асада) в конце 2012 и начале 2013 гг., вызвав ожесточенную борьбу за власть между различными фракциями. Эти события были истолкованы некоторыми исследователями (например, Gregory Gause III – professor of international affairs and the John H. Lindsey '44 Chair at the Bush School of Government at Texas A&M University (Gause, 2017)) как часть саудовско-катарской борьбы за превосходство, которая поначалу не привела ни к какому открытому конфликту между ними. Это, скорее всего, связано с тем, что оба правительства действовали из страха перед иранской гегемонией на Ближнем Востоке и в Персидском заливе и поэтому разделяли цель свержения режима Б. Асада (Brown, 2012). Но в марте ситуация изменилась, когда Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт отозвали своих послов из Дохи, чтобы заставить Катар изменить свою политику в отношении Братьев-мусульман (Кудряшова, 2015).

Саудовцы, исповедующие суннитское направление ислама, в настоящее время являются государственными чиновниками, выступающими за пуританское социальное толкование ислама и стремящимися распространить это толкование по всему мусульманскому миру, лояльно поддерживая монархию и советуя, что долг хороших мусульман – повиноваться правителям. Это политический ислам «сверху вниз, а не снизу вверх» (по выражению Gregory Gause III) (Gause, 2017).

«Нисходящий» ислам в границах ОАЭ

Используя терминологию профессора Gregory Gause III (Gause, 2017), можно охарактеризовать религиозное правление в Объединенных Арабских Эмиратах как «нисходящий» ислам внутри этого государства.

Объединенные Арабские Эмираты, будучи союзниками Саудовской Аравии, представляют собой третью тенденцию в политическом исламе. Официальный ислам в Эмиратах тесно связан с государственной властью и подчинен ей. В отличие от Саудовской Аравии, у Эмиратов нет амбиций распространять ислам за пределами своих границ. Как раз наоборот – они поддерживают антиисламистские силы в Египте, Ливии и других местах. Это ислам «сверху вниз», но в одной стране (Кудряшова, 2015).

В этом к ним присоединяется Египет, некогда центр арабской политики, но теперь, учитывая его внутренние экономические и политические проблемы, скорее последователь, чем лидер. Великий Центр Суннитского исламского обучения в Каире, Аль-Азхар, безусловно, имеет амбиции за пределами Египта. Но у него нет финансового потенциала, чтобы бросить вызов саудовским финансируемым институтам глобального салафитского ислама.

Интересно отметить, что ОАЭ пытались идти на компромисс с Аль-Азхаром, возможно, стремясь финансировать свой собственный вызов как глобальному салафизму, так и «Братьям-мусульманам».

Идеологические конфликты внутри региона

Добавим в салафитскую позицию исламистов-боевиков, представленных «Исламским государством» и «Аль-Каидой», и идеологические конфликты внутри суннитского мира станут еще более очевидными. Они разделяют пуританскую салафитскую интерпретацию ислама с Саудовской Аравией, но с недоверием относятся к саудовским правителям, считая их зависимыми от Соединенных Штатов.

Государственный ислам в рамках существующих региональных границ является антитезой их послания единой мусульманской общины. Исламское государство и Аль-Каида неоднократно нападали на режимы Турции, Саудовской Аравии и Египта.

Основным разногласием в отношениях между странами ССАГПЗ, и в частности Катара, с одной стороны, и Бахрейна, Саудовской Аравии и ОАЭ с другой, – это Иран и его место в регионе Персидского залива и Ближнего Востока в целом. Бахрейн, Саудовская Аравия и ОАЭ рассматривают шиитский Иран как источник угрозы сложившейся системе стабильности и безопасности в регионе. Официальные власти Катара не настолько категоричны в своих заявлениях относительно будущих отношений с Ираном и серьезно рассматривают взаимодействие, пусть и ограниченное, с этой страной (سم اخلا اباتك). Необходимость освоения общего месторождения газа, координация действий в процессе выкупа

пленных членов катарской королевской семьи, захваченных в Ираке, а также заявление о восстановлении дипломатических отношений на уровне послов между Ираном и Катаром свидетельствуют об этом (Marschall, 2003).

Однако суннитские государства не могут действовать согласованно, потому что, хотя все они беспокоятся по поводу Ирана, тем не менее считают друг друга потенциальными, если не реальными угрозами стабильности внутреннему режиму. Египет и Эмираты рассматривают «Братьев-мусульман» как свою главную внутреннюю угрозу и, таким образом, видят в Катаре и Турции союзников своих внутренних врагов (وَعَابَطْلَاوَعَفَا حَصَلْ لِسْ بِقَلْ اَرَاد).

Именно поэтому Каир и Абу-Даби настаивают на том, чтобы Катар закрыл Аль-Джазиру. Саудиты беспокоятся, что Катар, который официально разделяет салафитский ваххабизм, может играть в свою собственную внутреннюю политику, мобилизуя оппозицию своему режиму (Мелкумян, 2016).

Египет не хотел отставать от усилий Саудовской Аравии по развязыванию конфликта с Башаром Асадом в Сирии, так как боялся, что исламистские группировки, такие как Братья-мусульмане, выиграют. Саудовская Аравия имеет исторические связи с Братьями, но в последнее время дистанцировалась от них и рассматривала популистский, избирательный политический ислам как внутреннюю угрозу (Шарипов, 2010).

Турция обеспокоена тем, что успешное давление на Катар может привести к региональному давлению на собственные позиции. Турция и Саудовская Аравия были на одной стороне с Исламским государством и/или Аль-Каидой в региональных боях – Турция в Сирии и Саудовская Аравия в Сирии и Йемене – но не могут ни контролировать, ни доверять салафитским исламистским боевикам, которые стремятся свергнуть их режимы (Carrie, 2013).

Видение президентом Д. Трампом суннитского мира, объединенного с Соединенными Штатами против Ирана и терроризма, маловероятно до тех пор, пока суннитские режимы Ближнего Востока придерживаются таких различных взглядов на отношение ислама к политике. На Ближнем Востоке, где якобы доминирует религиозный суннитско-шиитский конфликт, сунниты не действуют вместе.

Подводя итоги анализа существенно усилившихся в последнее время религиозных разногласий в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, можно сделать вывод, что катарско-саудовские противоречия имеют не тактический, а стратегический и долговременный характер. В этой связи перспектива полной нормализации отношений между двумя ключевыми государствами ССАГПЗ в настоящее время не просматривается.

Становится очевидно, что противостояние суннитов и шиитов играет огромную роль в происходящих сегодня на Востоке политических процессах. Но, к сожалению, вместо поиска компромисса, Запад лишь поощряет раскол в мусульманской среде. Сегодня это позволяет контролировать энергоресурсы богатых стран Персидского залива, а также использовать военные силы государств в борьбе за свои геополитические интересы. Однако в долгосрочной перспективе такая политика может привести к неуправляемому региональному взрыву.

Заключение

Суммируя изложенное, обозначим следующие устойчивые тенденции религиозного фактора развития конфликта в Персидском заливе на современном этапе:

первая – возрастание роли ислама в сфере политической борьбы;

вторая – усиление шиитских позиций в исламе и стремление их представителей взять реванш в противоборстве с суннитами (Устинов, 2013);

третья – отсутствие единства и усиливающиеся противоречия среди суннитских государств Персидского залива;

четвертая – стремление этноконфессиональных групп к силовому решению вопроса о защите своих интересов, в т.ч. путем создания собственных нелегитимных структур безопасности;

пятая – активное провоцирование и стимулирование странами Запада местных этноконфессиональных противоречий в своих интересах.

Реально в основе конфликта вокруг Катара лежат не только политические, экономические, национальные, но и религиозные противоречия. Катар и Турция, ОАЭ и Египет, а также Саудовская Аравия представляют три различные позиции по этому сложному вопросу.

Катар и Турция сделали ставку на популистский, «восходящий» суннитский ислам «Братьев-мусульман», стремящихся легитимировать свою власть с помощью демократических выборов. Саудовская Аравия представляет собой антитезу правлению «Братьев-мусульман», сделав ваххабизм партнером в поддержке своего правления и стремясь распространить это толкование по всему мусульманскому миру. Объединенные Арабские Эмираты, будучи союзниками Саудовской Аравии, представляют собой третью тенденцию в политическом исламе, поскольку не имеет амбиций распространять ислам за пределами своих границ.

Опубликованное катарским новостным агентством заявление о восстановлении полноценных отношений с Ираном стало лишь поводом для начала дипломатического наступления на Катар. В действительности же между странами «арабской четверки» и Катаром по ряду вопросов существуют серьезные разногласия, которые наиболее заметно проявляются в сирийском конфликте, ливийской войне, в регионе Африканского Рога и Восточной Африке, а также в подходах по выстраиванию отношений с Ираном и «Братями-мусульманами» и их роли в регионе. Преодоление существующих противоречий и, как следствие, дипломатического кризиса вокруг Катара потребует пересмотра всеми участниками своих позиций по самым острым вопросам, а также участия в их урегулировании региональных и международных посредников. Долгосрочное урегулирование конфликтов в регионе может быть достигнуто на пути предоставления меньшинствам возможности в качестве реальных партнеров участвовать в процессе принятия политических и экономических решений.

Библиографический список

- Васильев, А.М. (2012) *Рецепты арабской весны*. Москва: Алгоритм. [Vasil'ev, A.M. (2012) *Recipes of the Arab spring* [Retsepty arabskoj vesny]. Moscow: Algoritm Publ. (In Russ.)].
- Исаев, В. А. (2014) 'Государство Катар в современном мире', *Мировая экономика и международные отношения*, 4, сс. 125–128. [Isaev, V.A. (2014) 'The state of Qatar in today's world' [Gosudarstvo Katar v sovremennom mire], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 4, pp. 125–128. (In Russ.)].
- Кашаф, Ш. Р. (2016) 'Взаимодействие государства и духовных управлений мусульман в организации хаджа', *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты*, 12(2), сс. 259–262. [Kashaf, Sh. R. (2016) 'Interaction between the government and spiritual administration of Muslims in organizing Hajj' [Vzaimodeistvie gosudarstva i dukhovnykh upravlenii musul'man v organizatsii hadzha], *Islam in the Modern World*, 12(2), pp. 259–262. (In Russ.)].
- Кудряшова, И.В. (2015) 'Кризисы политического развития: арабское измерение', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология*, 4, сс. 33–52. [Kudryashova, I.V. (2015) 'Political development crisis in the Arab dimension' [Krizisy politicheskogo razvitiya: arabskoe izmerenie], *RUDN Journal of Political Science*, 4, pp. 33–52. (In Russ.)].
- Кузнецов, А.А. (2017) 'Разногласия между государствами совета сотрудничества арабских государств персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока', *Международная аналитика*, 2 (20), сс. 69–77. [Kuznetsov, A.A. (2017) 'Disagreements between member states of the GCC as a factor of the political situation in the Middle East region' [Raznoglasiya mezhdugosudarstvami soveta sotrudnichestva arabskikh gosudarstv persidskogo zaliva kak faktor izmeneniya politicheskoi situatsii v regione Blizhnego Vostoka], *International Analytics*, 2 (20), pp. 69–77. (In Russ.)].
- Мелкумян, Е.С. (2016) 'Новые тенденции в политике ССАГЗ в период региональной трансформации', *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 4, сс. 55–64. [Melkumyan, E.S. (2016) 'New trends of the Gulf Cooperation Council policy in the context of regional transformation' [Novye tendentsii v politike SSAGZ v period regional'noi transformatsii], *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4, pp. 55–64. (In Russ.)].
- Попов, В.В. (2018) *Ослабление роли США на Ближнем Востоке* [Электронный документ]. [Popov, V.V. (2018) *The weakening of the US role in the Middle East* [Oslablenie roli SShA na Blizhnem Vostoke]. Available at: <http://ru.journal-neo.org/2013/04/02/rus-oslablenie-rol-i-ssha-na-blizhnem-vostoke/> (Accessed: 12 August 2018). (In Russ.)].
- Почта, Ю.М., Оберемко, Т.В. (2014) 'Политическое значение исламского

- фундаментализма в эпоху пост-модерна', *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 1, сс. 5–19. [Pochta, Yu.M., Oberemko, T.V. (2014) 'Political significance of Islamic fundamentalism in the postmodern era' [Politicheskoe znachenie islamskogo fundamentalizma v epokhu post-moderna], *RUDN Journal of Political Science*, 1, pp. 5–19. (In Russ.)].
- Смирнов, А.В. (2016) 'Ислам и национально-культурная идентичность', *Адам элемі: Философский и общественно-гуманитарный журнал*. [Алма-Ата]: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 4 (70), сс. 75–82. [Smirnov, A.V. (2016) 'Islam and national-cultural identity' [Islam i natsional'no-kul'turnaya identichnost'], *Adam Alemi*, 4 (70), pp. 75–82. (In Russ.)].
- Устинов, Е.И. (2013) 'Этноконфессиональный фактор дестабилизации на Ближнем Востоке', *Азия и Африка сегодня*, 2, сс. 46–51. [Ustinov, E.I. (2013) 'Ethno-confessional destabilizing factor in the Middle East' [Etnokonfessional'nyi faktor destabilizatsii na Blizhnem Vostoke], *Asia and Africa Today*, 2, pp. 46–51. (In Russ.)].
- Чернова, А.Ф. (2013) 'Влияние исламской революции на монархические режимы в Персидском заливе', *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 161, сс. 24–31. [Chernova, A.F. (2013) 'The impact of the Islamic Revolution on the Persian Gulf monarchies' [Vliyanie islamskoi revolyutsii na monarkhicheskie rezhimy v Persidskom zalive], *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 161, pp. 24–31. (In Russ.)].
- Шагаль, В.Э. (1998) *Арабские страны: язык и общество*. Москва: Восточная литература РАН. [Shagal', V.E. (1998) *Arab countries: language and society* [Arabskie strany: yazyk i obshchestvo]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN Publ. (In Russ.)].
- Шарипов, У.З. (2010) *Персидский Залив: Обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX–начале XXI вв.* Москва: Институт востоковедения РАН. [Sharipov, U.Z. (2010) *Persian Gulf: Aggravation of the political and military situation and international relations in the late 20th–early 21st centuries* [Persidskii Zaliv: Obostrenie politicheskoi i voennoi situatsii i mezhdunarodnykh otnoshenii v kontse XX–nachale XXI vv.]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)].
- Bank, A., Richter, T., Sunik, A. (2015) 'Long-Term Monarchical Survival in the Middle East: A Configurational Comparison, 1945–2012', *Democratization*, 22 (1), pp. 179–200.
- Brown, N. (2012) *When Victory is Not an Option: Islamist Movements in Arab Politics*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Carrie, R. (2013) *The Muslim Brotherhood: Evolution of an Islamist Movement*. New Jersey: Princeton University Press.
- Gause, F. G. (2017) 'What the Qatar crisis shows about the Middle East', *The Qatar Crisis. The Project on*

- Middle East Political Science (POMEPS). POMEPS Briefings 31, October 2017, pp. 10–11.
- Lacroix, S. (2011) *Awakening Islam: The Politics of Religious Dissent in Contemporary Saudi Arabia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Marschall, C. (2003) *Iran's Persian Gulf Policy: From Khomeini to Khatami*. New York: Routledge Curzon, 288 p.
- Menaldo, V. (2012) 'The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs', *Journal of Politics*, 74, 3, pp. 707–722.
- Seale, P. (1997) *Asad: The struggle for the Middle East*. Berkeley: California University Press.
- Sean, Y., Gause, F. G. (2012) 'Resilient Royals: How Arab Monarchies Hang On', *Journal of Democracy*, 23, pp. 74–88.
- Sivan, E. (1990) *Religious Radicalism and Politics in the Middle East*. New York: State University of New York Press, 244 p.
- رتس إقرظن: نام عن دم حمل ال ج، مس اجن بدم حممت غلا
رعلا اقطن مل اون ير حبل اكل ممى ل عتي جي تا
- مس اخلا اباتكلا - يلودر اطي فية يب
ةم ان مل ا
- ٢٠٠٨، ثوح بل او تاس اردل لن ير حبل ازكرم
تل ان أشب تي ناري إل اس ج او هل اص ٤١٣
- س بقل ا - جي ل خ ل اي في ر ص مل اد ج او
و ة ع ا ب ط ل او ة ف ا ح ص ل ل س ب ق ل ا ر ا د

Информация об авторе

Аль-Макбали Мазин Саид – аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов. E-mail: mazinalmaqballi@gmail.com (ORCID: 0000-0003-2695-5879. ResearchID: U-7418-2018).

Статья принята к печати: 15.10.2018

THE RELIGIOUS FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL CRISIS IN THE PERSIAN GULF

Al-Maqbali Mazin Said

Peoples' Friendship University of Russia

Abstract

The article discusses the factor of religious disagreements between the member states of the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf (GCC) in the context of differing foreign policy programs and aspirations of Saudi Arabia, Qatar and the United Arab Emirates.

The work uses both general scientific methods and special methods of political science and history. The civilizational approach made it possible to explain the role of Islam in the political process of the Gulf countries. The elitist approach allowed us to consider the political elites of the states as independent social groups with influence and authority in making key political decisions and implementing their own corporate interest and corporate thinking.

The religious factor of the Qatari-Saudi contradictions, including disputes over the ideological and religious heritage of Muhammad Abdel Wahhab, is highlighted. The author argues that the main reason for the political confrontation in the Persian Gulf is not only the support for the Muslim Brotherhood movement from the Qatari leadership, but also various trends in political Islam, which led to ideological conflicts within the Sunni world. The facts of cooperation between the Gulf countries are analyzed, the evolution of relations between them is considered in a complex of cultural, historical, political and religious conditions, in the context of general changes in the international situation at present. The author draws a conclusion about the role of the religious factor in the development of the political crisis in the Persian Gulf. Qatar and Turkey have chosen to rely on the populist 'rising' Sunni Islam of the Muslim Brothers, seeking to legitimize their power through democratic elections. Saudi Arabia is an antithesis to the rule of the Muslim Brotherhood, making Wahhabism a partner in supporting its rule and seeking to spread this interpretation throughout the Muslim world. The United Arab Emirates, as an ally of Saudi Arabia, is the third trend in political Islam because it has no ambition to spread Islam beyond its borders.

Keywords: Qatar; Saudi Arabia; United Arab Emirates; Muslim Brotherhood; Shia; Sunni; Wahabi.